

Коннорс против Соединенного Королевства

[Connors – the United Kingdom] (№ 66746/01)

Постановление от 27 мая 2004 г. [вынесено IV Секцией]

Обстоятельства дела

Заявитель и его семья – лица цыганского происхождения. В 1998 году им была выдана лицензия на занятие участка на площадке, выделенной цыганам под стоянку передвижных домов на колесах и находящегося в ведении местного органа власти. За исключением одного года, когда семья Коннорс переехала жить в арендуемый ей дом, они постоянно, в течение тринадцати лет, жили на отведенной цыганам площадке. Одно из условий их лицензии на занятие участка состояло в том, что арендатор участка, его гости или члены семьи не должны причинять никакого беспокойства окружающим. Год спустя взрослой дочери заявителя также была предоставлена лицензия на занятие смежного участка. Местные власти жаловались на несдержанное поведение детей заявителя и его гостей и предупредили его, что случаи причинения беспокойства окружающим могли привести к тому, что его лишат права на занятие участка. В январе 2000 года официальное предупреждение о необходимости освободить участок было вручено семье; в предупреждении содержалось требование освободить оба участка. Власти не привели никаких детальных оснований своего требования. В марте 2000 года местные власти со ссылками на законодательство, допускающее определение договорных прав арендаторов площадок, выделяемых цыганам под стоянку передвижных домов на колесах, после вручения уведомления за четыре недели до соответствующего слушания, возбудили два производства о выселении семьи Коннорс с занимаемых участков.

Ходатайство заявителя о выдаче ему разрешения на обращение в суд с просьбой проверить законность действий органов власти было отклонено Высоким судом. В июне 2000 года Суд графства издал приказ об освобождении участков, арендуемых семьей Коннорс. Поскольку семья не освободила участок в день, указанный в судебном приказе, местные власти в августе 2000 года приступили к процедуре принудительного выселения. Заявитель и его сын были арестованы за воспрепятствование властям при проведении операции по выселению. Семья Коннорс тогда заняла участок земли, расположенный поблизости. Этот участок также находился в собственности местных властей, и иногда власти терпели проживание на нем цыган. Местные власти начали процедуру выселения с этого земельного участка другой группы цыган и в число выселяемых включили заявителей как «неизвестных лиц». Заявитель в своей жалобе, поданной в Европейский Суд, утверждает, что после выселения с этого участка власти постоянно сгоняли его и его семью с тех мест, где они пытались обосноваться для жительства. Впоследствии он развелся со своей женой, которая решила переехать с младшими детьми на жительство в дом. Сын, который остался с ним, не вернулся в школу, поскольку они не могли оставаться на каком-нибудь месте дольше двух недель, и состояние здоровья заявителя ухудшилось.

Вопросы права

По поводу Статьи 8 Конвенции. Стороны по делу согласились в том, что выселение заявителя и его семьи с площадки, выделенной цыганам под стоянку передвижных домов на колесах, было актом вмешательства государства в реализацию прав заявителя, предусмотренных Статьей 8 Конвенции; такое вмешательство было «предусмотрено законом» и преследовало законную цель защиты прав других арендаторов площадки. В задачи Европейского Суда не входит оценка достоверности или недостоверности инцидентов с причинением беспокойства окружающим, на которые жаловались местные власти. Местные власти в своих действиях исходили из положений законодательства Соединенного королевства, допускающего уведомление заявителя за 28 дней о суммарном рассмотрении в суде вопроса о выселении и издании соответствующего приказа без обязанности властей доказывать какое-либо нарушение условий лицензии на занятие участка. Главным вопросом по данному делу в таком случае является вопрос о том, в какой мере используемый в этой ситуации правовой механизм гарантирует заявителю достаточную процессуальную охрану его прав. С учетом серьезного характера вмешательства государства в реализацию заявителем своих прав, – а такого рода вмешательство требовало, чтобы его обосновали весомыми соображениями общественного интереса, – рамки свободы усмотрения государства в деле допустимого ограничения прав человека должны были быть соответственно сужены.

Государство-ответчик утверждало, что нераспространение правового режима гарантированной аренды на площадки, выделяемые местными властями цыганам, необходимо для разрешения проблем, связанных с кочевым образом жизни цыган и их антиобщественным поведением на этих участках. Однако в наши дни большинство площадок, выделяемых местными властями цыганам, являются по своей природе местами постоянного проживания цыган. Один лишь факт, что антиобщественное поведение имеет место на площадках, выделяемых местными властями цыганам, не может сам по себе оправдать применение полномочия по выселению арендаторов-цыган.

Европейскому Суду не показали со всей убедительностью, что площадкам, выделяемым местными властями цыганам, свойственны какие-то особенные черты, которые не позволят управлять ими, если от властей потребуется дать мотивировку актам выселения давнишних арендаторов. Поскольку от местных властей не требовалось доказать наличие каких-либо существенных оснований для выселения заявителя, судебная проверка действий властей не могла предоставить возможность исследования фактов, оспариваемых сторонами по делу. Даже при условии, что государству разрешили свободу усмотрения в рамках, требуемых такого рода обстоятельствами, государство-ответчик не продемонстрировало Европейскому Суду в достаточной мере необходимость существования законодательного механизма, допускающего выселение заявителя и его семьи в суммарном порядке. Европейскому Суду не было показано, что полномочие по выселению арендаторов, не сопряженное с необходимостью продемонстрировать независимому судебному органу причины выселения, подлежащие изучению судом по существу, отвечают какой-либо конкретной цели. Выселению заявителя не сопутствовали требуемые процессуальные гарантии и потому это выселение не может считаться оправданным какой-либо «настоятельной общественной необходимостью» или актом государства, пропорциональным преследуемой законной цели. Поэтому Европейский Суд считает, что имело место нарушение требований Статьи 8 Конвенции.

Компенсация

В порядке применения Статьи 41 Конвенции. Европейский Суд присудил выплатить заявителю компенсацию в размере 14 тысяч евро в возмещение причиненного ему морального вреда.